

На крест пойду, на все страданья,
Лишь только быть с Тобой всегда.
Прими меня на пир Твой брачный,
Как я позвал теперь Тебя.

Ты Гость мой был, Гость милосердный,
Теперь прими меня к Себе.
Я буду раб Твой, раб Твой верный,
И в жизни, и в святой борьбе».

И тихо вышел Бог из дома.
С Ним шли Апостолы Его.
За ними вышел из ворот
Апостол новый и Зилот:
В нем сердце счастием горит:
Блаженный Симон Кананит.
Ушел из брачного чертога
На новый, Брачный Пир у Бога.

О рясе святого отца Иоанна Кронштадтского

Блаженный Августин в своем трактате «О том, как подобает заботиться об усопших» поминает о том, как бывают дороги для детей оставшиеся после их усопших родителей вещи, и при этом поминает их одежды как особо памятные для их детей, потому что эти одежды облекали тела их незабвенных родителей, с которыми их разлучила свирепая смерть. Остатки же одежд святых, прославленных Богом, уже дороги оставшимся поколениям не только как память о праведниках, но и как некий таинственный источник благодати Божией, которой Бог венчает память святых и являет их богоугодность. Деяния святых апостолов говорят о чудодейственной исцелительной силе, которая истекала от одежд святого апостола Павла (Деян. 19, 12). Святитель Иоанн Златоуст так это объясняет: «Хочешь ли, я покажу тебе это яснее и чувствительнее на апостолах? Помысли о Павле, коего и одежда имела чудное действие; вспомни о Петре, коего и тень обнаруживала чудодейственную силу. Если б они не носили в себе образа Царя Небесного и не были неприступны блистания их, то одежды их и тени не обнаруживали бы такой силы» (Из Беседы 7-й на 2 Послание к Коринфянам). Ввиду всего вышесказанного, я уверен, что читатель согласится с моим чувством благоговения, которое я имею к рясе, которую некогда носил святой отец Иоанн Кронштадтский. Эту рясу я имею в моем пожизненном обладании, берегу ее как сокровище и наде-

юсь еще при жизни отдать в благоговейные русские руки, которые сохранят ее для будущих поколений.

История имеющейся у меня рясы святого отца Иоанна Кронштадтского такова. Во времена жизни святого отца Иоанна Кронштадтского жил в Петербурге весьма известный протоиерей о. Николай Подосенов. Они вместе учились в Духовной Академии и продолжали иметь дружественные, близкие отношения и после окончания Духовной Академии, находясь уже на своих ответственных пастырских постах. Когда открылась вакансия на должность протопресвитера дворцового духовенства, на духовника Их Императорских Величеств и Высочеств, были представлены на Высочайшее рассмотрение два достойных кандидата на эту почетнейшую должность: протоиерей о. Виноградов и протоиерей о. Николай Подосенов. Выбор пал не на последнего, и, конечно, это ему было прискорбно. С печалью в сердце он пошел искать духовного утешения у своего друга св. отца Иоанна Кронштадтского. Отец Иоанн утешил его, указав на малозначительность людской славы и светлых санов, которые и непрочны, и недолговечны; единственно благодать Божия пребывает с человеком неразлучно и вечно, если этот человек будет любить Бога всем своим сердцем и будет жить по Божиим законам, пока он находится «в пути» жизни (Пс. 118, 1). — «Что могу я для тебя сделать, друг мой?» — в заключение своих слов спросил его отец Иоанн.

Тот, вняв словам св. отца Иоанна о драгоценности и вечности благодати Божией в праведниках, сказал ему: «Отче Иоанне, дай мне одну из твоих одежд, потому что я верю, что и на них почивает благодать Божия, которую Бог так обильно явил в тебе». Выслушав это, св. отец Иоанн Кронштадтский и всея России Чудотворец встал, снял с себя рясу, в которой он был, и, обняв о. Николая, отдал ее ему, говоря: «По вере твоей пусть будет так». Прошли годы. Скончался св. отец Иоанн Кронштадтский. Убит был Царь со своей Августейшей семьей. Умерла Россия. Толпы беженцев покинули Родину. Покинул Россию и протоиерей о. Николай Подосенов вместе со своей семьей, и поселились они в гор. Ницце, на юге Франции, где о. Николай занял приличествующую ему должность настоятеля одного прекрасного русского собора. Потерял он все имущество, не взял драгоценностей, а рясу св. Иоанна спас. Потом произошел памятный в истории Русской Церкви и Западной Европе раскол между Церквями: одни подчинялись митрополиту Евлогию, а другие — митрополиту Антонию. Ницкий собор принял сторону митрополита Евлогия, в то время как протоиерей о. Николай Подосенов решил оставаться под омофором митрополита Антония. Вследствие сего он покинул собор и основал свою домашнюю церковь. В этой-то церкви висела в пластиковом

мешке лиловая из муара ряса св. отца Иоанна Кронштадтского, о которой я выше рассказал.

В декабре 1950 года я был послан послужить в день Святителя Николая в этом домашнем храме, который после кончины о. Николая Подосенова не имел постоянного священника по причине малочисленности прихода. И вот, перед отъездом из этого храма, матушка покойного приснопамятного о. Николая Подосенова передала мне драгоценный подарок: **рясу св. отца Иоанна Кронштадтского**. Со всей искренностью — принимая во внимание как мое личное недостойнство, так и драгоценность подарка — я отказывался от принятия сей Святыни. Но матушка настояла на этом, говоря, что такова воля св.отца Иоанна Кронштадтского, именно — чтобы его ряса была передана мне. Тогда я не посмел возражать и с земным поклоном принял эту великую Святыню. Получение этой Святыни я счел за благословение мне от Великого Пастыря Земли Российской в годы исключительно тяжелые, бедственные для меня и как его поддержка мне в моей жизни, богатой печальями, бедствиями и гонениями.

Итак, тогда я воспринял эту Святыню как личный дар от Святого. Я еще тогда не дорос до понимания значения этого дара, именно — что этот дар был дан **для всех** и что я не обладатель этого дара, а смиренный слушатель его.

Впервые я понял это в 1955 году, когда был назначен настоятелем небольшого русского прихода в городе Ноттингеме, в Англии. Я снял две комнаты у одного весьма имущественного поляка, он прекрасно говорил по-русски, ко мне относился с неприязнью, видимо, терпеть не мог русского православного священника, и своим детям запретил посещать мой храм. Зато супруга его, дама высшего польского общества, относилась ко мне с подчеркнутой вежливостью и была рада, что в их доме живет «русский ксендз» (и эта ее радость оправдалась). Я заметил, что правая рука у нее была всегда перевязана, и спросил причину сего. Она мне рассказала, что у нее на руке появилась неизлечимая экзема кожи. Самые лучшие английские и иностранные врачи, к которым они обращались, не могли ей помочь. Рассказывая это мне, она плакала. Через некоторое время я известил ее, что у нас был один большой Святой и Исцелитель. Я имел в виду св. отца Иоанна Кронштадтского, который помогал всем, не только православным, но и инославным и даже нехристианам. Я предложил ей помолиться ему. Она согласилась. Я пригласил ее в мою комнату, отслужил молебен и, положив на ее больную руку рясу св. отца Иоанна Кронштадтского и представив пред ее глазами изображение Святого, я сам удалился, предложил ей самой помолиться, как она это знает. После

этого прошло некоторое время. Ни она, ни ее супруг мне ничего не говорили, но от служащего в их магазине я узнал, что у нее экзема совершенно прошла. Она сама рассказала об этом своим служащим и при этом, как говорили они, плакала радостными слезами. И так, она **исцелилась**. Но об этом она мне не сказала.

Через несколько месяцев мне пришлось переехать на другую квартиру, более дешевую, и опять же поселиться у одной польской семьи. Это были люди простые, добродушные, добрые и почтительные, вспоминаю их с любовью. И вот однажды перед домом останавливается автомобиль, и из него выходит хозяин моей прежней квартиры. Оказывается, он мне принес отменный крендель, украшенный миндалем. Передавая мне этот крендель, он сказал: «Это вам от моей жены за то, что вы ее исцелили. У нее все совершенно и бесследно прошло!» На это я ответил: «Нет! Я никого не исцелял. А исцелил вашу супругу святой отец Иоанн Кронштадтский». На это, подмигнув, он сказал: «Самовнушение». Но я на это возразил: «Накожные болезни самовнушением не излечиваются». И тут он скромно и благородно признал, что это так. Он уехал. Я рассказал историю этого кренделя моим новым польским хозяевам (и не только рассказал, но и угостил их этим кренделем), и эта история им хорошо запомнилась, как это показали дальнейшие события. Жаль было маме и мне съесть этот крендель, ведь он неким образом явился памятником чуда и доброты св. отца Иоанна Кронштадтского. И все же мы съели его с немалым удовольствием.

Затем у семьи хозяев моей новой квартиры произошло несчастье. Отец жены, человек в преклонных годах, перенес тяжелую операцию; и вот, когда он находился на пути к выздоровлению, его в больнице положили у открытого окна (а было зимнее время, когда в Англии и холодно, и сыро). Старик простудился, заболел воспалением обоих легких и был при смерти. Врачи не давали надежду на его выздоровление. В доме царили скорбь и плач. И вот, ко мне пришел хозяин квартиры; вытирая слезы, попросил меня дать ему кусочек от рясы «вашего Святого, который исцеляет больных», чтобы он мог положить эту святыню на грудь своего тяжело больного тестя. Я сделал по его просьбе. После сего старик совершенно поправился. Так что по слову Божию: *«Вечер водворится плач, и завтра радость»* и *«Обратил еси плач мой в радость мне»* (Пс. 29, 6, 12).

Затем у церковного казначея жена-полька также чем-то болела. И чрез возложения на нее рясы св. отца Иоанна Кронштадтского исцелилась. Но не сразу, а после некоторого вразумления, которое она заслужила.

Слава об этих исцелениях прошла по всей польской колонии города, и до меня донесся отзыв некоторых из них: «У нас нет такого Святого, который бы исцелял».

Наконец, мой сосед, англиканский священник, попросил у меня кусочек от рясы св. отца Иоанна Кронштадтского, имея намерение посетить одного своего больного прихожанина, которому вырезали раковую опухоль, и он в тяжком состоянии находился в больнице. Этот англиканский священник (преподобный Беннет, настоятель церкви Святого Матфия в гор. Ноттингаме) весьма почитал св. Иоанна Кронштадтского, труд которого «Моя Жизнь во Христе» был переведен на английский язык и с Ее Августейшего позволения был посвящен Королеве Виктории, причем Королева с величайшим благоговением отозвалась о св. отце Иоанне... Итак, получив от меня кусочек от рясы св. отца Иоанна Кронштадтского, мой друг, англиканский священник, отправился в больницу к своему тяжело больному прихожанину и благословил его этим кусочком рясы. На следующий же день больному стало лучше, и он стал быстро поправляться. Англиканский священник с умилением мне об этом рассказал.

Кусочек от рясы св. отца Иоанна Кронштадтского я в свое время послал священной памяти архиепископу Сиднейскому и Австралийско-Новозеландскому Савве, и Владыка мне поведал, что от этого кусочка произошло много исцелений. Подробностей я уже не помню.

И в самое недавнее время, возложив рясу св. отца Иоанна Кронштадтского на больных людей, находящихся уже в преклонном возрасте и имевших подвергнуться опасным операциям, я был свидетелем чудесной помощи, которая так быстро и так царски-щедро оказывается св. отцом Иоанном.

В моем завещании я указал, кому передать эту Святыню, и надеюсь, что она достойно сохранится до того времени, когда и если Богу будет угодно, в С.-Петербурге (конечно, не в Ленинграде) будет построен собор во имя Святого Иоанна Кронштадтского, и тогда эта Святыня будет возвращена в Россию и предоставлена на все времена моему любимому **многострадающему русскому народу**.

Я прошу читателей: в случае если они возымеют нужду, написать мне по адресу 1220 Crane Str. Menlo Park, California 94025 или позвонить мне в любое время по тел. (415) 326—5622. Тогда и обсудим, как кому помочь. Имеющаяся у меня Святыня — **ряса св. отца Иоанна Кронштадтского** — вверена мне для служения страждущему народу. Она — не моя, она — Ваша.

О некоторых имеющих у меня святынях

Недавно на страницах «Русской Жизни» я рассказал о имеющейся у меня рясе св. отца Иоанна Кронштадтского, поведав ее историю и ряд проистекших от нее чудес. Многие читатели откликнулись, посылая мне письма и звоня мне по телефону. Люди звонили мне из дальних мест Америки и приезжали служить молебны из далеких мест Калифорнии. Та теплота и та вера, с которой люди обратились за помощью к св. отцу Иоанну Кронштадтскому, была отрадна, и назидательна, и утешительна. Верю, что св. отец Иоанн Кронштадтский исполнил их моления и помог им, и сказал им — по примеру Господа нашего Иисуса Христа, Которому служил всю свою жизнь своей добротой к страждущему человеку, — *«Иди, и якоже веровал еси, буди тебе»* (Мф. 8, 13).

Теперь я расскажу о некоторых других Святынях, которые Господь милостиво даровал мне. Было бы слишком долго перечислять их и указывать их происхождение. Остановлюсь только на некоторых.

Частицу Животворящего Древа Креста Господня я получил от одной греческой семьи с Кипра. После того как св. равноапостольная Царица Елена обрела в Иерусалиме Животворящий Крест Господень (в IV веке), она пожаловала значительную часть Древа Животворящего Креста Господня Апостольской Автокефальной Кипрской Церкви. В то время благочестивое греческое население Кипра наслаждалось покоем и благоденствием. Последствия потрясения в Византии отразились и на судьбе Кипра. Но настоящие бедствия пришли в XII веке, когда различные вооруженные банды крестоносцев нахлынули на Кипр, грабя население, дыша убийством и насилием: тут были и англичане, предводимые Ричардом, именуемым «Львиное Сердце», тут были и тамплиеры, и французские герцоги и т.д. При этом, конечно, и Ватикан сыграл свое злое дело, захватив православные епископские кафедры и ставя на них своих латинских епископов, муча и уничтожая ревнителей православия, и в первую очередь православных монахов.

Бедствия Кипра в XII веке частично описал преподобный Неофит Отшельник (см. в моем переводе в «Вестнике Русского Христианского Движения», Париж, № 138). Преподобный Неофит писал: «От нас (православных) почти уже ничего и не осталось».

А затем пришли турки. Итак, ввиду таких бедствий, православное население Кипра разделило между собою ту часть Древа Креста Господня, которая хранилась в кафедральном соборе Кипрского архиепископа, так что каждое семейство получило небольшую часть Животворящего Древа.